

ТРАДИЦИЯ КАК ДУХОВНЫЙ ФУНДАМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Р.И. СОКОЛОВА

Огромное государство, каковым и является Российская Федерация, не может не иметь без ущерба для себя большую, базовую стратегию, соответствующую его размеру и геополитической значимости. Фундаментом такой стратегии должна быть глубокая оценка цивилизационной сущности России и вытекающая отсюда переоценка многих современных преобразований. Негативный социально-политический опыт современной России побуждает обратить внимание на некоторые ключевые моменты существования российского государства, до сих пор пребывающие в тени и требующие своей реактуализации. К таковым относятся, в частности, традиция и традиционные ценности.

Традиция – забытый ресурс политической стратегии

Традиция того или иного народа складывается под влиянием окружающей среды, особых обстоятельств и формирующихся на их основе темпераментов, склонностей, нравственных и общественных привычек людей. Она формируется постепенно, обнаруживая себя лишь через длительные промежутки времени, и проявляется как неписаная конституция, особая разновидность ценностей, добытых и завещанных коллективным опытом людей.

Формированию традиции предшествует образование в сознании человека некой модели мироздания, включающей представление о мире в целом. Установление ценностно-космологических иерархий порядка бытия в свою очередь оказывает влияние на культурное устройство жизни человека, на институциональные и поведенческие модели, принятые в данном социуме. Вначале, когда традиция только рождается, люди просто интуитивно нащупывают ее контуры в виде неопределенной интенции, почти иррационального стремления или настроения, которое овладевает многими индивидами и кажется им чем-то важным и значительным. Чаще всего традиция формируется людьми внерационально, потому что самоорганизация отдельных волей требует не столько теоретической рефлексии, сколько общего порыва, общего настроения людей, охватывающего собой все аспекты их бытия. Как целостная система, соединяющая материальный и духовный миры, традиция дает внутреннюю опору человеку, является основой его жизнеспособности.

Традиция – одно из наиболее распространенных понятий в общественной науке, хотя точного его определения в литературе

до сих пор нет. По мнению некоторых исследователей, «традицию, возможно, удобнее всего было бы определить как обыденную символизацию моделей социального порядка и совокупность кодов, контуров, которые определяют пределы устройства культурного порядка, принадлежность к нему, и его границы, которыми очерчиваются связанные с этим порядком цели и поведенческие модели¹. Традицию рассматривают также как основной символический мобилизационный ресурс социальной системы, как определенную социальную программу, как регулятивный институт, как способ установления легитимности культурного и социального порядка, как совокупность передающихся из поколения в поколение духовно-нравственных образцов, а также институтов и норм. В любом случае традиция понимается, в сущности, как форма организации огромного числа индивидуальных волей в единый творческий проект, как фактор объединения множества индивидов в сообщество, как условие стабильности общества, сохранения элементов консенсуса.

Наиболее прочными оказываются традиции, органично сформировавшиеся в недрах общества, т.е. те традиции, которые рождает сама жизнь. Такие традиции близки и понятны каждому, поскольку они остаются частью личного опыта всех прежних поколений и ныне живущих людей. Поэтому ни один проект, пусть даже по видимости самый разумный, не может быть лучше того, что сложилось само собою на протяжении столетий. Традиция – зрелый выбор столетий и поколений; это установление, созданное каким-то в тысячу раз лучшим способом, чем изобретение людьми искусственных схем и конструкций.

Традиция жива лишь постольку, поскольку она развивается, поскольку способна участвовать в современности. Но главное в традиции не внешние формы, а тот духовный импульс, который их когда-то породил, т.е. значение имеет не конкретное содержание норм и ценностей, а та духовная сила, временным отпечатком которой они являются. Если формы, в которые облечена традиция, начинают восприниматься как искусственные и отчужденные, тогда духовный импульс, который когда-то их создал, сбрасывает их с себя и порождает новые. Это и есть «вечное возвращение одного и того же», о котором говорил Ницше. Настоящее понимание традиции дает только соучастие в процессе ее вечного возвращения.

Следует подчеркнуть, что укрепившееся в общественном сознании стереотипное суждение о традиции как сумме старых обрядов и догм, как о чем-то архаичном и отсталом, о якобы изначально имманентной консервативности традиции, порождено, прежде

всего, политическими и идеологическими мотивами, оно не имеет научно обоснованного оправдания.

Обычно полагают, что традиция — только путь от индивидуализма к коллективизму. На самом деле, это путь от стадности, массовости (неважно, сплоченной или атомарной) к самобытной человеческой судьбе, обладающей смыслом и целью. Органичная живая традиция позволяет проявиться истинному коллективизму, т.е. солидарной воле внутренне свободных индивидов. И она же увлекает его в великий проект, пробуждает в нем колоссальные творческие силы и наделяет индивидуальностью. Она есть то, что снимает противоположность индивидуализма и коллективизма. Традиция — это единственный способ совместить индивидуальную судьбу активной и самостоятельной личности с коллективной самоорганизацией отдельных волей в рамках общего проекта. Через традицию, т.е. через сохранение социумом своей качественной определенности как некоей константы обеспечивается его «врастание в будущее»².

В традиции, как считает С. Айзенштадт, присутствуют в двуединстве креативная (инновации) и консервативная (традиция в узком смысле) составляющие. Первая связана с потенцией традиции к экспансии, к развитию, происходящему как на структурном, так и на символическом уровнях социальной жизни. Вторая обеспечивает сохранение цивилизационной идентичности, устойчивости и безопасности общества и государства, является важнейшим регулятором социальной жизни во всех ее областях. Консервативная составляющая связана с институционализацией традиции. Таким образом, традиция обеспечивает устойчивость социума, а инновация — его развитие.

Отнюдь не любая инновация способна вызвать спонтанную координацию волей, которая длилась бы долгое время и любое покушение на которую заставляло бы людей жертвовать собственным благополучием и даже жизнью. Если инновация будет восприниматься людьми как нечто чуждое, внешнее, навязанное извне, как конспиративный проект неведомых групп и индивидов, это неизбежно вызовет сопротивление и фрустрацию. Никакой согласованности усилий не получится, и дело пойдет в тупик. В истории России так сложилось, что не везло именно традиции (в узком смысле), в результате чего инновация, совершенно оторванная от традиции, принимала часто уродливый вид. В нее, незащищенную традицией, легко имплантировались чужеродные элементы (подобно вирусу), нанося непоправимый вред российскому государству и его народу. Доминирование традиции в обществе приводит к застою, доминирование инноваций — к его разрушению.

Таким образом, консервативная составляющая традиции (традиция в узком смысле) и инновации должны находиться в диалектическом единстве. Традиция — хорошее мерло для того, чтобы проверить, насколько инновация разумна и полноценна. Разрыв между ними, отрицание одной из сторон этого двуединства или одностороннее акцентирование той или иной составляющей ведут к вполне предсказуемым негативным последствиям. В традиции тесно переплетены между собой стабилизирующие и креативные элементы. Однако во внешнем своем проявлении они могут даже как бы противостоять друг другу, особенно в тех случаях, когда речь идет о модернизации.

Модернизацию все еще нередко понимают в рамках того подхода, который был сформулирован М. Вебером и сводился к жесткому противопоставлению категорий традиционного и рационального. Все традиционное определялось в негативных терминах, поэтому модернизация рассматривалась как разрыв всех связей с прошлым. Такое понимание ее сущности приводит к расщеплению двуединой традиции, являющейся целостным феноменом, на отдельные, не связанные между собой составляющие. Затем провозглашается, что одна из этих составляющих (консервативная) характерна для «традиционных обществ», а другая (креативная) — для модернизированных. Из этого утверждения выводится фундаментальное противоречие между креативной и консервативной составляющими традиции, что в свою очередь ведет к некорректному и однозначному противопоставлению традиционных и модернизированных (современных) обществ.

Противопоставление «традиционных» и «современных» обществ не слишком плодотворно и в познавательном отношении, так как при этом утрачивается глубинное понимание подлинных основ того или иного общества, ибо конкретный социальный опыт никогда не бывает только современным. Начиная с 70-х годов прошлого века даже в западной общественной науке начался отход от жесткого противопоставления категорий традиционного и рационального, и все чаще высказывается мысль, что традиция и инновация, традиция и современность взаимосвязаны и взаимообусловлены. В действительности все общества в той или иной степени являются «традиционными», хотя для разных типов общества характерно свое соотношение традиций и инноваций. В этой связи можно утверждать, что традиция одинаково необходима во всех устойчивых обществах — и традиционных, и современных; различными бывают лишь механизмы ее действия, а также оценки самого факта зависимости от прошлого.

Поскольку в самой традиции заложены определенные внутренние противоречия, это приводит, в конце концов, к ее постоянной из-

менчивости. Однако характер изменений в традиционном обществе не произволен. Он задан традицией изнутри. Любое традиционное общество «имеет реальные и символические события прошлого, порядок и образы которого являются ядром коллективной идентичности (традиционного общества), определением меры и природы его социальных и культурных изменений. Традиция в этом обществе служит не только символом непрерывности, но и определителем пределов инноваций и главным критерием их законности, а также критерием (допустимых вариантов) социальной активности»³.

Обратившись же непосредственно к российской реальности, можно констатировать *разрушение традиции* как следствие нарушения диалектического единства ее консервативной и креативной составляющих. *Это самая большая и, пожалуй, не вполне осознаваемая проблема России*. По уровню разрушения традиции и основанной на ней природной солидарности, различных форм коллективизма и социального сотрудничества Россия превзошла все другие страны. По данным Европейского социального исследования, которое проводилось в России на рубеже 2006 – 2007 годов, россияне в целом гораздо в большей степени, чем граждане большинства других европейских государств, тяготеют к полюсу самоутверждения и не разделяют коллективистских ценностей⁴. К аналогичным выводам приходит и председатель Комиссии по социокультурным проблемам глобализации А.И. Неклесса: «Население РФ весьма индивидуализировано и совсем не склонно к коллективистским формам взаимодействия, по крайней мере, в гораздо меньшей степени, чем американцы. По этому показателю американцы и китайцы оказываются несколько ближе»⁵.

В ряду различных способов разрушения традиции в России большое место занимает *перенос чужих традиций* и символов чужой культуры на российскую почву. К чему это приводит? Как отмечают исследователи, внутри культуры, подвергающейся широкому внедрению чуждых элементов (например, западная массовая культура), теряются интегрирующие свойства, что делает ее весьма уязвимой и ведет к разрушению национальной идентичности. Цель такой операции – нанести народу тяжелую культурную травму, которую вызывает насильственное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам. Каждый народ всегда стремится выразить себя в узнаваемых, адекватных формах в процессе борьбы за существование, узаконивая среди прочего свои ценности, нормы и принципы мировосприятия. Культурная же травма неминуемо приводит к искажению генетической программы народа-реципиента, подрывая таким образом основы его жизнестойкости. Иными словами,

символы своей культуры синхронизируют и гармонизируют процессы жизнедеятельности народа, в то время как иноземные – ведут к их разбалансировке.

Большую роль в разрушении традиции играет также привнесение чуждой идеологии, сформированной в рамках другой культуры, другой традиции. Такая идеология, опираясь первоначально на ценностный базис цивилизационной традиции, очень быстро либо подменяет его на противоположный, либо разлагает и уничтожает. Это происходит потому, что она не способна освоить механизмы традиции, устойчиво передающей ценностные ориентиры цивилизации из поколения в поколение, да и не имеет такой цели. Характерным примером является идеология глобализма, которая представляет собой методологию разрушения национальных, культурно-исторических традиций или их подмену.

В отличие от этого, идеология, опирающаяся на архетипические символы и активизирующая генотип народа, может способствовать возрождению традиции и принести успех в укреплении государственности. Такую идеологию можно рассматривать как специфический эликсир, повышающий жизнеспособность государства, поскольку она (идеология), в конечном счете, служит сохранению системы ценностей, максимально полно соответствующей интересам выживания народа, а также комплекса представлений о мире, который имеет не только русское, но и общечеловеческое значение.

Несмотря на удручающее состояние традиции, ее разрушенность, *проблема сегодня состоит* не в том, что отсутствует интерес к ней. Напротив, в 1990-е гг. о традиции было сказано и написано больше, чем за весь XX век. Проблема заключается в том, что интерес к традиции принимает извращенную и губительную для нее форму, поскольку отсутствуют условия для возрождения полноценной традиции, но в избытке имеются все возможности для рождения нежизнеспособных химер. Нынешнее отношение к традиции является формальным, потому что на первом месте стоит интерес к ее внешней форме. Наиболее цинично выражает эту тенденцию масовая культура, где внимание переносится с внутренней сущности традиции на ее внешнее проявление, с бытия на репрезентацию.

Когда идет поиск нравственных образцов или образцов государственного устройства, т.е. формируется политическая стратегия, ничего не следует ожидать от будущего и настоящего, рассматриваемого изолированно от прошлого с его традициями. Поэтому для формирования фундамента политической ориентации нужна только своя традиция, которая когда-то в истории уже оставила отпечаток в душах всех обитателей России. Сложившаяся в прошлом

высокая традиция — пусть сегодня и обветшавшая, пусть в развалинах — все равно сохраняет что-то от первоначального импульса. Это дает надежду на возрождение и защиту собственного духовного наследия, политического и экономического опыта своего государства. Как верно заметил британский антрополог польского происхождения Б. Малиновский, «общество, которое свои традиции считает священными, добивается не поддающихся оценке выгод, становится сильным и прочным»⁶. Успехи стран Юго-Восточной Азии, сохранившие и плодотворно использовавшие традиции в целях социального прогресса — яркое тому подтверждение.

Проблема традиции и справедливость

В настоящее время в России, с одной стороны, все острее встает проблема сохранения традиций, с другой — актуализируется проблема инноваций, модернизации. Отсюда беспрецедентное внимание сразу и к прошлому, и к тому, каким должно быть будущее. А значит, острее становится нужда в формировании политической стратегии, адекватной российской цивилизационной сущности, ее глубинным смыслам.

История России уже не раз доказывала, что радикальный разрыв диалектического единства традиции и инновации ведет к неизбежному и предсказуемому краху. Либеральный проект, осуществляющийся в стране на протяжении последних двадцати лет, довел до логического конца процесс детрадиционализации в России, идущий со времен Петра I. Либерализм как крайнее выражение этой тенденции привел к чудовищному, по европейским меркам, социальному и имущественному расслоению, которое носит настолько глубокий характер, что существующие индексы неравенства на самом деле не отражают, а скрывают его истинные масштабы. Дисбаланс в области распределения ключевых социально-экономических ресурсов остается источником постоянной социальной напряженности и нестабильности в обществе.

Наступающая новая эпоха, отмеченная крушением неолиберализма, нуждается в обновлении общественнонаучного знания и выходе за рамки привычных либеральных идеологических стереотипов. Нынешнее российское общество, похоже, только начинает осознавать масштабность новых идеологических горизонтов и необходимость поиска жизнеспособного проекта, органически вытекающего из всей русской истории с ее традициями и ценностями. Что может стать исходной точкой такого поиска в условиях основательно разрушенной традиции и связанных с ней базовых традиционных ценностей? Устройство жизни по справедливости — вот основной запрос российского общества к власти. Наступил

момент, когда большинству народа становится предельно ясным и очевидным, что ценность справедливости для него бесспорна и что он от нее не откажется никогда. Никаким либеральным реформам не удалось вытравить из сознания народа главное его достояние и наследство — понятие правды и справедливости, которые имеют колоссальное значение для русского менталитета. Это не борьба за повышение заработной платы, а борьба за справедливый миропорядок как таковой.

Попранная ныне справедливость относится к разряду фундаментальных, традиционных ценностей российской цивилизации. Россия веками искала более справедливое мироустройство. На протяжении длительного исторического периода понятие справедливости в России занимало центральное место в общественном сознании, сопрягалось с духовно-нравственным идеалом и несло в себе как этический императив освобождения от социального неравенства, так и духовно-нравственное измерение. Справедливость имела универсальное значение и понималась как фиксация «божьего» порядка, на котором основано все мироздание, а не только то качество, которое определяет отношение человека к человеку или общественных групп друг к другу. На Руси с древнейших времен шел спор: в чем правда и что такое справедливость? Правда и справедливость были тесно связаны между собой в российской культурной традиции. Правда понималась как справедливость в своем высшем проявлении, до которого она еще должна подняться. По мнению русских мыслителей⁷, конкретное социально-политическое состояние общества могло оцениваться только в зависимости от того, насколько в социально-политической сфере России воплощены христианские идеалы правды и справедливости.

Что касается современного понимания этой ключевой ценности, то представляется наиболее приемлемым определять «справедливость как неписанный свод правил, установленный традицией и играющий роль одного из, а, может быть, и главного интегрирующего элемента в конструкции общества»⁸.

Справедливость — понятие, наиболее органичное для российской цивилизации, глубоко укорененное в культуре России. Поэтому она должна занимать главное место в иерархии ценностей. Нарушение этой иерархии путем уравнивания справедливости с такой ценностью, как свобода и объединение их в рамках дуальной противоположности, неизбежно вызывает ложную постановку вопроса: либо свобода — либо справедливость, что ведет к негативным социальным последствиям. Свобода, будучи важной ценностью, должна быть правильно понята и занять соответствующее место в иерархии ценностей и в контексте российской реальности.

Объективный анализ общественных настроений в России показывает, что люди по-прежнему мыслят свою историю и свое национальное существование в рамках социально справедливого общества. И это не случайно. Те общества, в которых справедливости уделяется должное внимание (например, страны Скандинавии), дают гражданам большее чувство уверенности, защищенности, а также стимул к позитивной деятельности, способность к социальной мобильности, обеспечению нравственного и физического здоровья будущих поколений, т.е. обеспечивают жизнеспособность общества и государства в целом.

Сегодня ни у государства, ни у правящей элиты нет практического проекта формирования по-настоящему справедливого общества в стране. В самом общем виде установление социальной справедливости в России может означать замену олигархической социально-экономической системы на социально-справедливую систему, что требует, прежде всего, выработки понятной для каждого человека модели справедливого российского общества. Возможный выход заключается в обращении к тем традициям и тому историческому наследию, которые содержат опыт борьбы с несправедливостью. Это, прежде всего, различные формы социализма, которые имели место в истории России и в мире.

Справедливость – высшая ценность и основная идея социализма. Но сам социализм есть естественное следствие природной социальной целесообразности. А. Молотков высказал интересное соображение о том, что *«принципы социалистического общественного бытия суть фундаментальное свойство живой природы, заключающееся в органической самоорганизации целого»*⁹. В свете этого вывода социально-экономическая история человечества последних веков обнаруживает особую социально-этическую логику. Наличие элементов социалистической организации общества можно встретить в совершенно разных, не связанных между собой государствах древности и Средних веков (государство инков в Южной Америке, государства Месопотамии III – II тысячелетия до н.э., древний Египет, Китай и т.д.). Молотков убедительно показывает, что идеи социализма, охватившие человеческое сообщество уже позднее, на рубеже XVIII – XIX веков н.э., не были произвольным утопическим фантомом, противоречащим ходу человеческой истории. Напротив, они явились возвращением в генеральное русло этой истории, новой актуализацией фундаментальных социальных принципов, с которых и началась собственно человеческая цивилизация.

Русский социализм, как заметил А.И. Герцен, обязан своим происхождением общинному укладу жизни российского крестьянства. В противоборство с капитализмом он вступил на мощной волне

всенародного кооперативного движения, инициированного столыпинскими реформами. Если бы это движение было успешно продолжено, тогда, возможно, сбылся бы прогноз прошлого века о том, что именно Россия, а не США, могла бы стать государством № 1. Кооперативное движение, успехи которого были громадны в дореволюционной России, было, по сути, путем к социалистическому строю русской цивилизации. Однако это движение встретило враждебную реакцию со стороны тех сил в стране, которые отстаивали *интересы иностранного капитала и, особенно, капитала ротовицкогоского*. В конце концов, на смену добровольной кооперации трудящегося народа, сложившейся на духовно-нравственной основе, пришла «кооперация» насильственная¹⁰.

Тем не менее, в периодическом возвращении человечества к идеям социализма через долгий путь духовно-идеологических исканий и социальных потрясений нет ничего странного и противоземного, так как социалистические принципы организации общества являются идеологической колыбелью цивилизации. На протяжении всей мировой истории, исходя из противоречий социальной реальности, человек искал более справедливые формы общественной жизни. При этом религиозно-этическая интуиция о справедливости всегда была первичной по отношению к рациональным попыткам ее интерпретации — в этом и состоит таинственная живучесть идей о справедливом обществе (социализме) в человеческом сознании¹¹.

Однако общая оценка социализма чаще всего исходит из исторически субъективного, узкого отношения, навеянного той или иной стороной реального советского социализма, которому большинство из нас были недавними свидетелями. Социализм в первую очередь воспринимают как некую рационализированную социально-экономическую доктрину, сформировавшуюся в Европе в XVII — XIX веках и реализовавшуюся затем в XX в. в некоторых странах, и прежде всего в России, в качестве реального государственного строя. В процессе его построения на основе сугубо рационалистического подхода произошел сдвиг от органического понимания социализма к механистическому, редуцировавшему представление о социально совершенном обществе к образу идеально организованной машины (или механизма).

Осуществив практическую реализацию новых социально-экономических хозяйственных отношений, т.е. инновацию, или модернизацию, советский социализм, отбросив традицию с ее духовностью, оказался неспособным осуществить духовное преображение человека и человеческих отношений. Это было следствием того, что в России был радикально и грубо надломлен ее духовный мировоззренческий

стержень, на основе которого шло тысячелетнее становление России как государства, и который изнутри определял смысл русской истории. Социалистическая форма государственной самоорганизации общества есть всего лишь фундамент первичной социальной справедливости, сама же социальная гармония, степень ее совершенства, определяется духовно-этическим содержанием государственного бытия. Отсутствие духовного измерения человеческой личности делало коммунистическое воспитание поверхностным и непрочным. В результате образовался серьезный антропологический дисбаланс между интенсивными процессами общественно-государственного строительства и уровнем индивидуального самосознания. Таким образом, социалистическое бытие ценой титанических усилий партии и народного подвига было реализовано, однако сознание, соответствующее высокому уровню поставленных задач, не состоялось¹².

И все же советский социализм, при всей своей **однобокости**, составляет важнейшую эпоху в истории нашего государства. Он может и должен быть реабилитирован как объективная данность истории, как ее новое цивилизационное качество, подлежащее дальнейшему историческому развитию, но уже не только в русле «теории коммунизма», но и на базе огромного комплекса плодотворных идей, содержащихся в нашем историческом наследии. В таком контексте социализм вновь обретает свой истинный цивилизационный смысл и фундаментальный исторический статус.

Русский социализм как соответствующий национальной традиции содержит то антропологическое измерение, которого катастрофически не хватало советскому социализму. Не случайно некоторые политики все чаще говорят о «русском социализме», т.е. о путях гармоничного соединения русской национальной самобытности, нашего многовекового исторического опыта с лучшими достижениями советского социалистического строя. В своем нынешнем виде идея русского социализма органично вписывается и в марксизм, и в многовековую русскую духовную традицию. Она не только впитывает в себя достижения всех течений общественной мысли, но и способна предотвратить новые расколы в национальном сознании. Именно русский социализм, являясь квинтэссенцией тысячелетней Русской идеи, может стать современной формой Российской национальной идеи, которая способна сплотить нацию для преодоления смуты и хаоса «реформ», конструктивно сочетать в себе идеалы социальной справедливости, национального достоинства, духовности, устремленности в будущее.

Русский социализм мог бы стать оптимальной формой государственного устройства, основанного на многообразии видов

собственности, на национальной, патриотической власти, и отвечающего интересам большинства людей в России. Только сильное, суверенное государство с глубокими национальными корнями и традициями может создать адекватные социально-политические условия для развития и совершенствования человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Айзенштадт С. Традиция как застывшая харизма // <http://etnopsychologie.narod.ru/study/tradition/eisenstadt.htm>.

² Корнев С. Традиция, постмодерн и вечное возвращение // <http://kitezh.onego.ru/traditio.html>.

³ Там же.

⁴ См.: Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. – С. 43.

⁵ Неклесса А.И. Беда России в том, что социально-активный слой конвертирован в маргинально-активный // Критерии успешности страны, цивилизации, человечества. Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 8. – М., 2010. – С. 71.

⁶ Цит. по: Шацкий Е. Традиция и утопия. – М., 1990. – С. 286.

⁷ Проблему справедливости исследовали такие мыслители, как И.В. Киреевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, И.А. Ильин.

⁸ Пирогов Г., Ефремов Б. Социальная справедливость и национальная безопасность // http://www.zlev.ru/169/169_18.htm.

⁹ Молотков А.Е. Миссия России. – СПб., 2008. – С. 128.

¹⁰ См.: Экономический вектор развития России: кооперация и социализм. – М., 2007. – С. 23 – 29.

¹¹ См.: Молотков А.Е. Миссия России. – С. 92 – 93.

¹² См. там же. – С. 222 – 225.

Аннотация

В статье показана необходимость формирования политической стратегии, адекватной российской цивилизационной сущности. Основное внимание обращается на традиции, традиционные ценности, прежде всего справедливость, требующие своей реактуализации.

Ключевые слова: политическая стратегия, традиция, инновация, модернизация, идеология, справедливость, социализм.

Summary

The article shows the necessity of formation of political strategy, adequate to the Russian civilizational essence. The main attention is paid to the tradition, traditional values, first of all justice.

Keywords: political strategy, tradition, innovation, modernisazition, ideology, justice, socialism.